

Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО
А.В.ГРУШКО
в качестве основного докладчика на рабочей сессии
«Контроль над вооружениями и меры укрепления доверия в
военной области – проблемы и возможности» Ежегодной конференции
ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности
Вена, 25 июня 2015 года

Уважаемый господин модератор,

Буквально на днях здесь завершилась очередная конференция по рассмотрению выполнения Договора по открытому небу. С удовлетворением отмечаю, что, несмотря на некоторые проблемные моменты, ее участники подтвердили востребованность Договора. Признали, что он продолжает сохранять свое значение как один из важных инструментов обеспечения предсказуемости и укрепления доверия.

В то же время вынужден констатировать, что сегодня это один из редких позитивных моментов на фоне того глубокого кризиса, в котором оказался процесс контроля над вооружениями. Тема сегодняшнего мероприятия предполагает, среди прочего обмен идеями о возможных шагах по исправлению ситуации. Убежден, что в этих целях крайне важно попытаться разобраться с фундаментальными причинами нынешнего положения дел.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ, позволю себе выделить те из них, которые имеют, на мой взгляд, ключевое значение.

Очевидно, что контроль над вооружениями существует не в вакууме. Многие соответствующие механизмы создавались в определенных военно-политических условиях и под конкретные задачи. При этом стороны опирались на актуальные для своего времени прогнозы развития региональной и глобальной обстановки.

Философия действий России в этой сфере базировалась на принципе «достижения большей безопасности меньшими средствами». Именно в этом был смысл нашего самого активного участия в процессе контроля над вооружениями. В течение 80-х 90-х гг. наша страна без преувеличения внесла беспрецедентный вклад в устранение материального наследия «холодной войны». Напомню, Россия осуществила вывод войск и вооружений из стран ЦВЕ, расформировав крупные группировки в Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии и Прибалтике – всего свыше 800 тыс. военнослужащих. Сокращены и утилизированы десятки тысяч единиц и техники. Страны СНГ сумели распорядиться советским военным наследием таким образом, чтобы ни одно международное обязательство СССР не пострадало и системе контроля над вооружениями не был нанесен урон. Сегодня многие на Западе предпочитают об этом не вспоминать. Уж слишком эти факты не вписываются в пестуемый миф об «агрессивности России», которую «необходимо сдерживать». Но в те годы именно вывод сил с иностранных территорий рассматривался в качестве определяющего вклада в европейскую безопасность и безопасность самих европейских государств.

Завершение «холодной войны» и блокового противостояния, а также начавшийся процесс трансформации архитектуры европейской безопасности открыли беспрецедентные возможности для преодоления раскола Европы. Формулировки Кодекса поведения делают очевидным, что ОБСЕ (тогда –СБСЕ) могла превратиться в организацию коллективной безопасности. Россия твердо придерживалась линии на построение общего пространства мира и стабильности на принципах равноправного сотрудничества и взаимного доверия, без опоры на баланс угроз и контругроз. Мы последовательно выступали за демилитаризацию отношений в Европе, вывод фактора силы или угрозы ее применения за скобки общеевропейского уравнения безопасности.

Именно такая политическая философия позволила выйти на заключение ДОВСЕ в рекордно короткий срок. И это при том, что предшествующие переговоры, куда с более ограниченным мандатом, о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе продолжались 17 лет и завершились ничем. С достижениями в области контроля над вооружениями начали, казалось, уходить в прошлое блоковые подходы и разделительные линии.

К сожалению, надеждам на построение коллективной архитектуры не было суждено сбыться. Удары НАТО по Югославии подорвали общеевропейский процесс, нанесли невосполнимый ущерб ДОВСЕ. Достаточно еще раз внимательно прочитать преамбулу Договора – ради чего он создавался.

Не менее деструктивные последствия были вызваны выбором стран НАТО в пользу «закрытой архитектуры безопасности», расширения альянса в ущерб развитию и укреплению общеевропейских институтов, прежде всего ОБСЕ. Этот процесс вошел в очевидное противоречие с интересами коллективной безопасности, стал причиной того, что разделительные линии в Европе не только не стирались, но углублялись и сдвигались на восток.

Сегодня нашим оппонентам неловко вспоминать, как горячо нас убеждали в том, что вступление в НАТО восточноевропейских стран послужит избавлению их от т.н. фантомных болей исторического наследия, улучшит отношения с Россией, обрямит альянс «поясом» дружественных нам государств. Так не случилось. Теперь в НАТО говорят о необходимости их особой защиты ввиду чуть ли не «прифронтового положения». Антироссийские фобии, которые, по своей природе, размещением танков не лечатся, теперь определяют главный вектор процесса военного планирования и воплощаются в железе. В результате расширение НАТО заложило политические и материальные предпосылки появления в Европе нового «железного занавеса».

На фоне этой картины рельефнее проявляются истинные причины отказа стран НАТО от выполнения ключевого обязательства саммита в Стамбуле 1999 г. – скорейшей ратификации Соглашения об адаптации ДОВСЕ. Ведь все, что сегодня НАТО осуществляет на «восточном фланге», никак не назовешь сдержанностью в военной сфере. Подрыв режима Договора, остановка его развития стали основным фактором деградации ситуации в области безопасности. В частности, ушел в прошлое плотный профессиональный диалог между военными, регулярный обмен оценками и результатами анализа потенциалов сторон. А такой обмен выполнял важнейшую стабилизирующую функцию, работал на укрепление безопасности. Переговоры по контролю над вооружениями, совместный обзор действий Договора представляли собой уникальный инструмент для перевода политических намерений на четкий язык показателей военного планирования, количеств военной техники, мест их дислокации и других индикаторов, определяющих состояние военной безопасности.

В условиях повышенной военной активности особенно востребован профессиональный диалог между военными. К сожалению, такой диалог между Россией и НАТО, от состояния отношений между которыми напрямую зависит

безопасность в Европе, Брюсселем заморожен. Ситуация, не преувеличивая, сродни той, что была на пике противостояния.

За минувший год – полтора эти негативные тенденции приобрели лавинообразный характер. С началом украинского кризиса альянс приступил к ускоренному наращиванию военного присутствия уже в непосредственной близости от наших рубежей. Это дополнительно усиливает напряженность, ослабляет безопасность в Европе, ухудшает условия для урегулирования кризиса на Украине, поощряя «партию войны» в Киеве к т.н. военному решению.

Деградирует ситуация в отдельных частях Европы. Балтийский регион из наиболее спокойного с точки зрения классических военных угроз превращается усилиями НАТО в район повышенной военной активности. Не буду утомлять аудиторию излишними цифрами. Дело даже не в них самих, а в подходах, которые могут служить маркерами для определения стратегических намерений. Но в качестве примера напомним, что миссия НАТО по патрулированию воздушного пространства стран Балтии была учреждена без всяких на то реальных причин в 2004 г., а к сегодняшнему дню увеличена в 4 раза. Это – пример того, как внутренние натовские регламенты ставятся выше интересов региональной безопасности.

В настоящее время на территории государств Восточной Европы, в прилегающем воздушном пространстве и акваториях непрерывно проводятся военные учения, осуществляется т.н. устойчивое ротационное (а на деле – постоянное) присутствие сил и средств союзников, расширяется и модернизируется аэродромная сеть. Вся логистика «затачивается» под задачу приема боевых сил. Дело дошло до решения о передовом размещении в восточноевропейских странах складов с тяжелой военной техникой Армии США. Звучат призывы к еще более далеко идущим мерам. Ничего не напоминает? Классические схемы эпохи конфронтации, пусть и в облегченном варианте. Такая «холодная война – лайт».

Эти усилия НАТО подрывают зафиксированные в Основополагающем акте об отношениях Россия-НАТО 1997 г. обязательства по военной сдержанности – в частности, положения об отказе от дополнительного размещения существенных боевых сил на постоянной основе. Разрушение одного из последних столпов и без того ослабленной архитектуры евробезопасности, каковым без преувеличения является Основополагающий акт, чревато самыми серьезными последствиями. Ситуация крайне тревожная – сжимается спираль новой гонки вооружений.

Несколько слов о других факторах европейского уравнения безопасности. Продолжают обостряться проблемы в связи с односторонним созданием системы ПРО в Европе с вытекающими последствиями для стратегической стабильности, региональной и глобальной безопасности. Причем «окно возможностей» для урегулирования проблемы дипломатическими методами на взаимоприемлемой компромиссной основе неуклонно сокращается, если вовсе не закрылось.

В отличие от России, США так и не вернули свое нестратегическое ядерное оружие на национальную территорию. Сохраняется и порочная практика отработки т.н. совместных ядерных миссий с участием неядерных стран, противоречащая ДНЯО. И это в условиях, когда все обстоятельства, которыми оправдывали базирование этих вооружений в Европе, остались в прошлом. Официально – необходимость потенциала «гибкого реагирования» для нейтрализации конвенционального превосходства ОВД. Где это превосходство и где ОВД? Данный факт лишний раз подтверждает, насколько сильны «генетические корни» подходов альянса к обеспечению безопасности, стремления к неоспоримому военному доминированию.

Хотел бы также отметить и еще одну крайне тревожную тенденцию, проявившуюся в последнее время. Имею в виду вопиющий разрыв между

политической риторикой и конкретными результатами проверочных мероприятий инструментами контроля над вооружениями. Объективностью полученных данных жертвуют в угоду пропагандистской кампании, развязанной против России. Это же относится и к отчетам наблюдателей ОБСЕ. На других площадках о них вспоминают лишь тогда, когда это политически выгодно. Эта практика дискредитирует саму суть мер укрепления доверия, сводит к нулю стимулы для их дальнейшего развития. Зачем, если они не влияют на так называемую «реальную политику»?

Предметом мистификации стал и военный бюджет России, который напомним, в 16-17 раз меньше совокупных расходов на оборону стран НАТО. Опять возникает вопрос – в чем тогда смысл в нынешних условиях документов ФСОБ по военной транспарентности, стратегиям, военным бюджетам?

Требованиями о повышении военных расходы государства Европы подталкивают к тому, чтобы они отказались от тех дивидендов мира, которыми сполна воспользовались в результате завершения «холодной войны», прежде всего благодаря шагам Российской Федерации.

У военной безопасности несколько измерений. Контроль над вооружениями – лишь одно из них. В последние годы качество безопасности все больше определялось способностью государств противостоять общим угрозам, большинство из которых генерируется вне пределов ОБСЕ. Однако и эта сфера, где, казалось бы, сложение усилий является императивом, стало заложником политизированных подходов. НАТО приостановила все проекты сотрудничества, осуществляемые в рамках СРН, и это еще больше ослабляет нашу общую безопасность.

Господин Председатель,

В целом в области контроля над вооружениями в Европе мы наблюдаем эффект «упавшего велосипеда». Конструктивная инерция процесса исчерпана, движение вперед остановлено. Накоплен большой массив политических, военных и военно-технических проблем. Многократно осложнилась картина взаимодействия различных факторов, влияющих на состояние военной безопасности. Появилось новое поколение вооружений, выходящих за рамки охвата действующих документов. Даже в случае проявления достаточной политической воли потребуются неимоверные усилия, чтобы переломить ситуацию.

Предстоящая 40-я годовщина подписания Хельсинкского заключительного акта дает хорошую возможность провести комплексную оценку новых условий безопасности и факторов, на нее влияющих, включая действенность инструментов контроля над вооружениями.

Думается, что для «перезапуска процесса» потребуется, прежде всего, формирование политической платформы на основе принципа неделимости безопасности, в центре которой были бы интересы создания подлинно коллективной системы безопасности. Попытки «механистического» наращивания объема обязательств в сфере контроля над вооружениями будут неизбежно спотыкаться о частокор накопленных проблем. И уж неперенным условием для нормального диалога должен быть отказ от попыток нагнетать недоверие в отношении России.

Благодарю за внимание.